

В.А. СЛАДКОВИЧ

ЧЕРНОМОРСКИЕ КОЛОКОЛЫ

К 2000-летию со дня
Рождества Христова

Антон Головатого, сооружися звон сей в Херсоне лета 1793 октября 10 дня.»

Обойдя колокол вокруг, А.В. Суворов взялся за веревку, привязанную к железному языку, и раскачав его двумя руками, рывком нанес первый удар. «К-в-а-м-м-м! — басом ахнул колокол, послав эхо вниз по широкому Днепру в заросший тростником и вербами островной лабиринт, в котором запорожцы не раз брали на abordаж турецкие галеры и веками прятали свои трофеи. Ударив несколько раз, А.В. Суворов придержал рукой тяжелый язык и несколько мгновений слушал затихающий звук впервые подавшего свой глас колокола.

— Помилуй Бог, — сказал с восхищением полководец, — хотя материал на колокол пошел и османский, но звук у него получился вполне христианский! Изрядный звук!

— Свидетель этого события адмирал де-Рибас О.М., посетивший позже Тамань, рассказал об испытании колокола находящемуся там А.А. Головатому, который 10 апреля 1794 года сообщил кошевому атаману З.А. Чепеге следующее:

«Христос Воскресе!»

С совершенным моим почтением поздравляю вас праздником Светлого Воскресенья Христова, душевно вам желаю провождать оный всекраснейше.

В первый день сего торжественного праздника, при разрешении Пасхи, нечаянно посетил меня в доме Иосиф Михайлович де-Рибас.



Александр Васильевич Суворов

Он переехал из Керчи в Тамань, по старому знакомству, и, отобедавши, смотрели лодок с похвалою, что порядочно оныя вытянуты на сушу.

Любопытствовал у фонтала лежащим камнем с надписью деяний князя Глеба, а потом ездил на Бугаз, рассматривал положение его и глвину гирла, причем говорил, что при случае тревоги близ гирла, в заливе безнужно могут военные суда стоять обороною и служить во вред неприятеля.

Во время сего его разъезда коляской моею, конвоировали его старшины порядочно, а к вечеру поздно я опроводил на судно...

только горожанам и жителям ближайших куренных селений, но и закубанским черкесам. В назначенный час все куреня стали «покоем» вокруг соборной церкви «в ружье»: После краткой речи Головатого к звоннице подошло войсковое духовенство и священник Василий Дячевский прочел согласно требника благодарственный молебен:

«Владыко Боже Вседержителю, иже трубным гласом седмию жрец идущих пред кивотом свидения, нерехонским твердым стенам пасти и разрушится сотворил еси, и вся во граде сущия в руже людей твоих предал еси: ты и ныне кампан сей невесным твоим благословением исполни, яко да глас звенения его услышавше, противныя воздушныя силы далече оград верных твоих отступят, и вся раздужения их огненыя, еже на нас стрелы угаснут, треская же молний, нападения града, и вся вредныя воздухов злорастворения, всесильною и крепкою десницею прогонима и одержанна да утолятся, утихнут и отступят: вся бо ты в славу твою, к пользе и спасению нашему чрез посредства действующи.»

Затем, окропляя святой водой первый из колоколов, священник произнес далее: «Благословляется и освящается кампан (колокол, В.С.) сей окроплением воды сея священныя, во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь! Аминь! Аминь!»

После молебня А.А. Головатый командовал стоящим рядом со звонницей казакам-мастеровым:

— А ну, хлопцы, с Богом! Чипляйтэ канати та тягнуть оций звон до горы, — и он ткнул пальцем в самый большой колокол.

Казаки, привязав канаты к ушкам колокола и используя блоки, подняли колокол к перекладине звонницы, где он и был укреплен войсковыми кузнецами с помощью железных хомутов. Вслед за первым были подняты и остальные колокола. Но как они были размещены на звоннице истории — ничего неизвестно, и только рисунок ныне забытого художника Брож может, хотя и частично, дать ответ на этот вопрос.



Старый войсковой собор в г.Екатеринодаре. Рис. Брож.

Были на Руси и другие приговорки, которые не попали в записи краеведов и историков, т.е. они не были ими записаны, а поэтому со временем и позабылись. А ведь имелись они и в Екатеринодаре, и во всекубанских селениях, где были построены церкви.

Однажды, при моем посещении Свято-Ильинского храма, куда я ходил послушать колокольный звон молодого звонаря Ильи Герасимова, пожилой человек, казак Кубанского казачьего войска Ю.И. Рязанов рассказал мне, что еще до Великой Отечественной войны 1941-45 гг., его крестный отец был настоятелем Георгиевской церкви г. Краснодара. Так вот он ему рассказывал, что их звонарь иногда звонил под такую поговорку:

Самый большой оповещал: Блин! Блин! Блин!

Альтовые уточняли: Пол-блина! Пол-блина! Пол-блина!

Дисканты весело добавляли: Четверть блина! Четверть блина! Четверть блина!

Очень возможно, что такие поговорки употреблялись звонарями и других кубанских храмов, но все это в годы борьбы воинствующих безбожников с православием погибло безвозвратно.

Как же звонари управляли несколькими колоколами? Конечно, если на звоннице их было один или два, то исполнение на них звонов особой сложности не представляло. Там же, где было их несколько, то звонари для управления ими делали некоторые приспособления, зачастую весьма не сложные, но во многом индивидуаль-

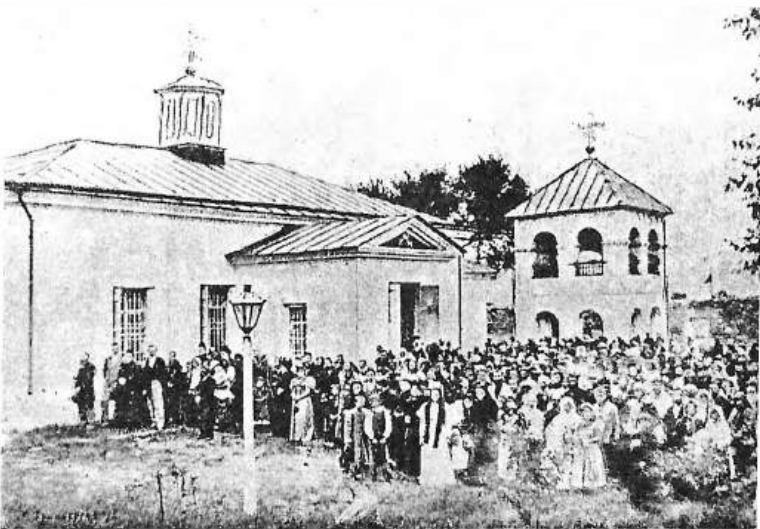


Парад в крепости.

ные. Чаще всего звонари протягивали веревки от языков к перилам звонницы (как это видно на рисунке художника Брожа), и, ударя ладонью по натянутым веревкам, вызывали звон. Самый большой колокол управлялся педалью из деревянного бруса, а самые маленькие своими веревками соединялись в узел, что позволяло управлять ими и одновременно, и по очереди.

Такое устройство звонниц легко было управляемо, поэтому звук колокола, причем каждого, можно было взять легко и в точное время. При чем и звоны поэтому исполнялись очень ритмично и ясно.

Однако возвратимся в 90-е годы XVIII века, когда колокола стали играть в общественной жизни населения Черномории, а позже и Кубани, различные роли в его жизни и культуре. Напомню некоторые из этих функций. Так, колокола



Покровская церковь. Станица Тамань.
Фото, начало XX века.

кавалера Россинского, у меня просил довести до сведения о нем Ваше Высокоблагородие и Войсковую канцелярию, и о том, что он может принадлежащие здешнему собору, и при других церквах имеющиеся поврежденные и неспособные в действии колокола весьма за сходные церквам заплаты перелить, с тем только, чтобы Войсковая канцелярия поусердствовала потребное количество для печей кирпича, и под растопку меди дров.»*

Получив этот рапорт, полковник Г. Матвеев на следующий же день направил письмо в Черноморскую войсковую канцелярию, в котором сообщил, что:

«Екатеринодарского духовного правления присутствующий протоиерей Дмитрий Грузин рапортом доносит мне, что прибывший в сей город Курской губернии города Рыльска купец Дмитрий Федорищев, знающий мастерство в литье колоколов, приступает к переливке имеющихся при соборной и прочих церквах поврежденных и неспособных в действие колоколов весьма за сходные от церковь заплаты, с тем только, чтобы от войска отпущено было потребное количество для печей кирпича, и для растопки меди дров, и что он со товарищи своими священниками и ктитором за переливку малых соборных колоколов за плату принимает на себя, за большой же отдает на рассмотрение моему и войсковой канцелярии.

Препровождая при сем в Канцелярию подлинником оной рапорт на рассмотрение присовокупляю, что на отпуск от войска для оной надобности кирпича и дров я согласен.

№4153

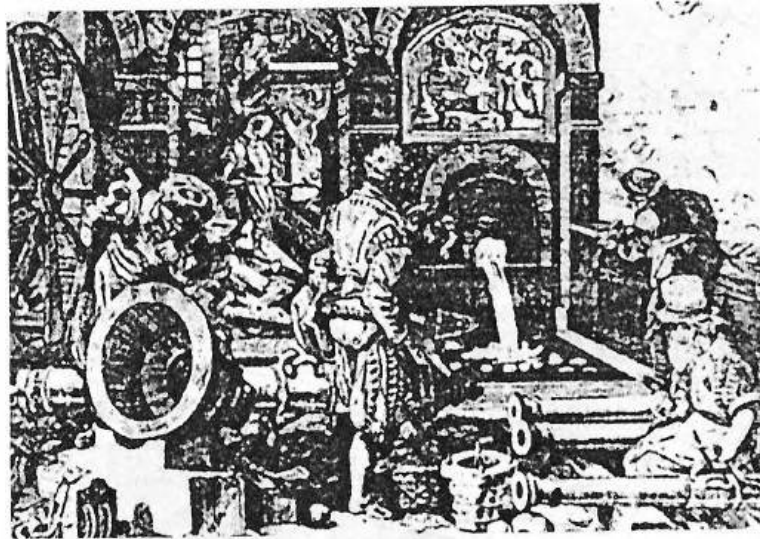
26 июля 1821 г. полковник Матвеев.»*
г. Екатеринодар.

Как далее пошло дело по переливке колоколов в Екатеринодаре, история сведений не сохранила, но известно, что спустя месяц после того, как полковник Г. Матвеев дал согласие на переливку колоколов, протоиерей Дм. Грузин обратился в Войсковую канцелярию с новым

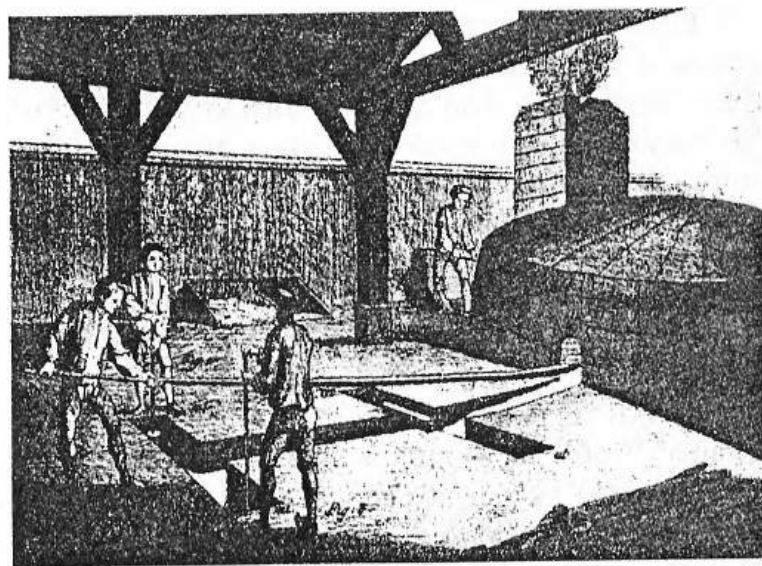
только кирпичи и дрова, но и хорошая глина с чистым песком, не оставил. А так как первый кирпичный завод в те годы был западнее Екатеринодарской крепости и где было свободное от построек место, тут и была начата постройка печи. Мы только можем представить, как вокруг этого места толпились любопытные горожане, смотря на мастеров, возводящих на поверхности земли литейную печь, а рядом с ней рыли в земле огромную яму для установки литейных форм. Казакам было в диковинку наблюдать за выкладкой на дне ямы из кирпича полого сердечника литейной формы, на которую наносился слой песка с глиной. Затем шаблоном, установленным на вертикальной оси, мастера сглаживали этот слой, соответствующий внутреннему профилю колокола.

Просушив сердечник, мастера наносили на него толстый слой сала, а затем снова слой песка с глиной — глиняную рубашку, которую шаблоном выравнивали и смазывали салом. Наложив буквы (литеры) и орнамент, мастера все замазывали жидкой глиной и сушили без огня.

После высыхания глины мастера одевали на форму железные обручи и затем уже огнем прогревали ее изнутри. Одновременно загружалась ломом меди литейная печь. Рецепт состава металла был известен еще в древности как 5 частей меди и одна часть олова. Старые мастера с целью улучшения звука добавляли олова побольше, но это было опасно, ибо литье становилось хрупким, что вызывало в колоколах трещины, и вообще полное разрушение.



Заливка формы для колокола.



Отливка колокола.

Ст. Пашковская
Церковь Введения Во Храмъ Пр.
Богородицы.



Церковь Введения Во Храм Пресвятой Богородицы.
Ст. Пашковская.

Прошло еще некоторое время, и казаки Черномории построили уже во всех сорока куренных селениях довольно примитивные церкви, но наличие при них колоколов так и осталось для истории в неизвестности, ибо скорее всего их там еще и не было. ГАКК не сохранил сведений ни о том, как колокола приобретались для селений, ни в каком году это произошло. Причем, довольно странно, что в «Генеральной ведомости, составленной из ревизорских сказок», и ныне хранящейся в ГАКК, о наличии при церквях Черномории церковной утвари сказано довольно подробно. Что при церквях были колокольни — это в ведомости отражено, а вот какие при них были колокола, осталось вне этого довольно подробного документа.

В те годы весь левый берег реки Кубани, и частично правый, были покрыты вековыми лесами, в которых укрывались шайки закубанских разбойников перед нападением на селения черноморских казаков. Сейчас трудно представить, что такие леса были и напротив современного Краснодара.

В ГАКК сохранились документы о том, что генерал майор Власов, походный атаман донских полков на Кавказе, временно исполнявший и начальство над Черноморской кордонной линией, приказал в 1823 году леса, растущие вдоль левого берега Кубани вырубить, а срубленный строевой лес раздать по куренным селениям на ремонт старых и строительство новых храмов.

Как писал в 1831 году первый кубанский



Собор во имя Александра Невского (Белый Собор).
г. Екатеринодар (1853-1932 гг.)

совора. На этот раз горн выдержал высокую температуру... В 6-м часу пополудни расплавленный металл пущен в форму. К концу того же часа отливка была окончена.»

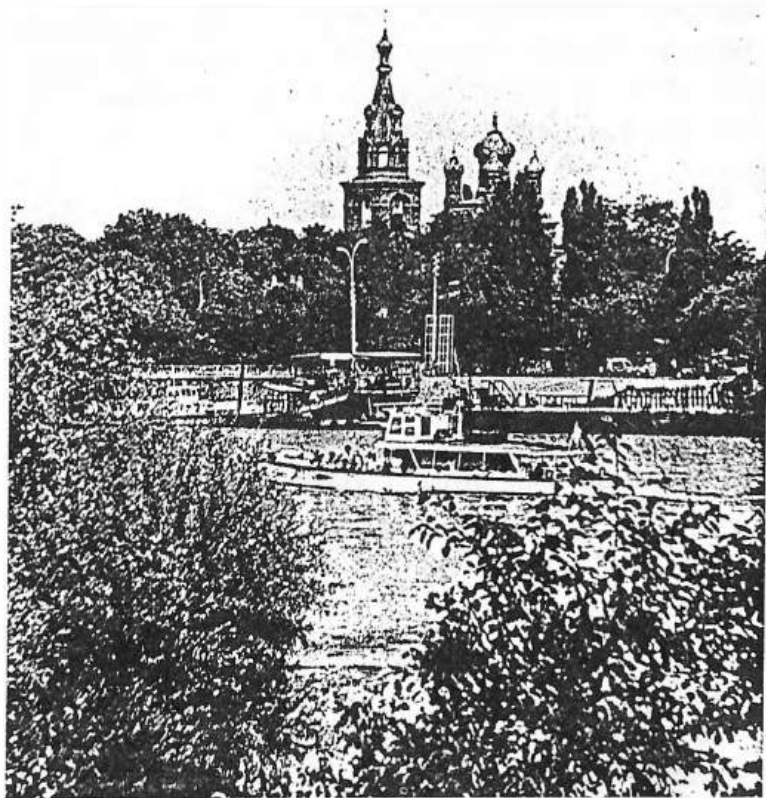
Однако, пишет ниже неизвестный автор, «отливка оказалась неудачной, в колоколе не вышли, или вышли не вполне, петли (уши).»

Так, видимо, и в последующие годы этот колокол не был отлит в должной исправности. Очень возможно, что на этой неудачной отливке история самого большого колокола Кубани и окончилась. Больше колокол такого веса и не отливался, ибо сама конструкция двух западных колоколен Белого собора для размещения колоколов такой тяжести не была рассчитана.

К сожалению, и видные кубанские писатели, как Е. Фелицин и Ф. Щебина в своих многочисленных работах, по неведомым для нас причинам, почти ничего не сказали о храмах Кубани, ни тем более о находящихся при них колоколах.

Закончился XIX век с его потрясениями и войнами, в которых принимали активное участие и кубанские казаки. Наступил век XX, еще более суровый, с еще более кровопролитными и разрушительными войнами: Первой мировой и Гражданской, в годы которой на долю храмов Кубани и ее священнослужителей выпали суровые испытания.

Еще на заре советской власти правительство РСФСР приняло ряд декретов, подписанных В.И. Лениным и направленных на сохранение культурного наследия русского народа. Функции



Троицкая церковь.
г. Краснодар, 1985 г. Фото Н.П. Гойдина.

колоколов и сегодня вплетается в мелодию будней и праздников, звучит скорбью по павшим в сражениях и умерших, призывая живых к миру и согласию. Врываясь ежедневно в нашу жизнь, колокола своим звоном как оставались с нами, так остаются и далее.

Мы являемся свидетелями, как русский народ постепенно возвращается к почти забытым элементам своей культуры, когда колокольный



Колокольня Троицкой церкви.
г. Краснодар, 1999 г. Фото В.А. Соловьева.